

Священная слеза Арианы

Вечерний клуб — 1998. — 27 авг. — 2 сент. — п. 4
Не нужно быть пророком, чтобы утверждать: центральным театральным событием осени станет 100-летний юбилей Московского Художественного театра. Но напомнить об этом нелишне — что и делает эксперт "Золотой Маски" **Ольга Егوشина**.

В Камергерском идут подготовительные работы по превращению переулка в пешеходную зону. Во МХАТе продолжается шлифовка сценария юбилейного вечера. Приглашенные обдумывают выступления. Журналисты точат перья, размышляя, что же еще предложить: то ли МХАТу (МХАТам) вообще закрыться, то ли опять объединиться Ефремову с Дорожной, то ли отпраздновать юбилей в зале Малого театра. Повышенным спросом пользуются байки из жизни великих: как Станиславский путал ГПУ с ГУМом. Или как ехали от Москвы до Питера, выпивая на каждой станции. Или как выпустили в бассейн Сандуновских бань банку шпрот и потом интеллигентно закусывали, вылавливая из воды рыбку. Театральные исследователи и практики размышляют о судьбах Идеи Художественного театра, определившей развитие мирового театра в XX веке. Собравшиеся год назад в Москве на конференцию "Славянский базар" режиссеры и актеры разных стран, театральная элита, пытались сформулировать свое соотношение с мхатовской традицией, или, как сказал в своем выступлении Лев Додин, "что-то в себе самом понять, с чем-то соразмериться". По-японски непроницаемый Тадаши Сузуки объяснил, что строил свою систему, тщательно проштудировав Станиславского. Луклавый ирландец Деклан Донеллан



заметил, что "можно читать Станиславского, как святого Павла, который в одно время говорит: надо придерживаться всех правил; а в другое замечает, что все правила нужно ломать. И вообще: любой закон — симптом конца любви".

На "Славянском базаре" стал очевиден факт, что Художественный театр стал своеобразной театральной Меккой: землей обетованной, истоком и местом силы. Однако в будничной суете мы как-то проглядели момент, когда только что бывшее воздухом и бытом обернулось музыкой и памятью. И вот уже волящий по МХАТу группу французского театра "Дю Солей" Анатолий Смелянский не сразу понимает, почему знаменитая Ариана Мнушкина медлит у входа в зрительный зал, пытаясь сдерживать слезы и собраться с силами, чтобы вступить в сакральное пространство.

Олег Ефремов настойчиво подчеркивает, что для него предстоящий юбилей — праздник всех театров, так или иначе со МХА-

Том связанных, из МХАТа выросших; что его больше всего привлекает образ МХАТа как огромного дерева, давшего жизнь многочисленной поросли вокруг, те незримые нити, которые связывают МХАТ и с Вахтанговским театром, и с "Современником", и с "Таганкой", и со Школой драматического искусства. Желающих подробнее узнать про генеалогическое древо МХАТа отсылаю к книге Инны Соловьевой "Ветви и корни" или к двухтомнику "Московский Художественный театр. 100 лет".

Подводя итоги заканчивающегося столетия, мы можем отметить, что мировой театр и сегодня существует в сетке координат, сложившейся во многом под влиянием теории и практики "художественников". Что ключевые театральные движения XX века оформлялись в развитии и полемике с традициями Художественного театра: от Мейерхольда до Арто, от Брехта до Гротовского. Может быть, яснее всего эту тоску по идеальному театру, которой Станиславский заразил своих современников и потомков, выразил Анатолий Эфрос, писавший: "Другого театра, чем такой, какой делал Станиславский, мне не нужно. Другой театр — это чаще всего вообще не театр. Это плохое учреждение. Просто люди не знают этого".

На снимке: К. С. Станиславский в роли Астрова. МХТ, 1899 г.

